

Спектакль о бессмертном подвиге

Большой драматический театр имени М. Горького показал пьесу А. Корнейчука «Гибель эскадры», посвященную одному из героических и трагедийных эпизодов гражданской войны. Новое появление этого произведения на сцене обнаруживает силу и богатство традиций советской героической драмы. Примечательно и то, что премьера пьесы крупнейшего современного украинского драматурга состоялась в Ленинграде в день открытия декады украинского искусства в Москве, как бы явившись одним из знаков содружества национальных культур в нашей стране...

Гибель черноморской эскадры была продиктована исторической необходимостью. Эскадра погибла во имя победы. Оттого в финале спектакля, поставленного Г. Товстоноговым (режиссер Р. Агамирзян), когда по ремарке драматурга «льется торжественная симфония смерти кораблей», главным на сцене является не трагизм происходящего, а великая перспектива грядущего. Более всего волнует в сценическом произведении Большого драматического театра момент прощания моряков с последним боевым кораблем. Следуя друг за другом по одному, под звуки марша моряки покидают корабль. Но, прежде чем уйти, каждый бросает свой прощальный взгляд на боевую рубку. Есть в этих сосредото-

ченных взглядах то печальная суровость, то строгая скорбь. Но есть в них и патристическая революционная клятва. А марш звенит могучей силой, в его ритмах — уверенная поступь революционеров, отвоевывающих народную свободу. И гибель эскадры возникает на сцене как пролог грядущей победоносной народной борьбы!

Есть в пьесе и спектакле и иное, опять-таки полное трагизма, глубокое и важное содержание. На примере судьбы минера Гайдая драматург и театр показывают, как недоверие к народной массе и слепые пороки честной, но недостаточно зрелой природы приводят человека к жестокой трагедии: к невольному предательству. В избрании этого трудного человеческого пути Гайдая раскрывается конфликт стихийности и революционного долга, политической слепоты и революционного сознания.

Режиссура и исполнители обостряют этот конфликт уже самим контрастом сценических образов матроса и члена большевистского комитета Оксаны. У Оксаны (артистка И. Кондратьева) — тонкая фигура, сдержанные жесты, строгий овал лица, вдумчивый взгляд глубоких черных глаз, спокойный, тихий голос. Спокойная, говорящая тихим голосом, она неизменно возникает среди моряков, неотрывная от народной массы. У

Гайдая (артист П. Луспекаев) — размашистые, временами разброшенные движения, грубоватая поступь, неожиданные в своей смене интонации и тембровые окраски голоса. Он то и дело противостоит своим товарищам, отъединяется от них. Оксана — это интеллект и благородство революции, Гайдай — полон необузданных сил. И если И. Кондратьева найдет в своей роли моменты более сильной воли, а П. Луспекаев в эпизодах прозрения Гайдая достигнет подлинного потрясения, можно будет говорить о художественной завершенности исполнения двух главных ролей пьесы А. Корнейчука.

Как будто на самом деле только что опаленный в трудном бою, появляется на сцене Комиссар (артист В. Кузнецов), тело которого в ранах и разорванная матросская одежда в засохшей крови. А масса моряков тут же на сцене на мгновение застывает, как барельеф могучего скульптурного монумента. Этот своеобразный контраст бытовой достоверности и художественной обобщенности характерен для образа спектакля.

Жизненно просто играет балтийца артист Е. Копелян; щедрые сатирические краски нашел для образа боцмана Кобзы Е. Лебедев. Глубокой внутренней жизнью при максимальной сдержанности внешних выразительных средств полны образы умного лейтенанта Корча (артист Б. Рыжухин) и обаятельного Стрыженя (артист Н. Семилетов). Острая ирония видна в разнообразных деталях характеристики мичмана Кнориса у О. Басилашвили. Экцентризмом

сценического рисунка присущ игре артистов в ролях Фрегата (С. Юрский) и Паллады (К. Лавров). Лаконизм интонаций характеризует исполнение роли адмирала артистом Н. Корном и боцмана Бухты артистом В. Максимовым.

Различные характеры, различные художественные приемы! И многогранные, непрерывно меняющиеся, как морская поверхность, массовые сцены с их героической энергией и простодушным юмором, отчетливой, временами резкой силой и затаенной внутренней глубиной...

Одно только использование света и красок в спектакле (художник В. Иванов) может служить красноречивым примером его художественной выразительности. Ровное, как бы бесстрастное освещение в адмиральском салоне, где плетется контрреволюционный заговор, словно обнажает бесстыдство предателей народа, делает их фигуры как бы плоскими. В предрассветных зябких сумерках совершается на сцене подлое убийство Оксаны — в сумерках, таких же неустойчивых, неверных, как та мгла, что окутала разум Гайдая. Голубые и синие просторы ярких и бескрайних небес в массовых сценах на палубе как бы раскрывают горизонты революции. И трагический финальный аккорд — погружение в море последнего корабля эскадры — происходит в мгновенном затемнении; все выше подымается линия морского горизонта, чернеет суровое море, и кажется, словно сцену театра и на самом деле застилает мрак морского дна...

События, запечатленные в «Гибели эскадры», принадлежат истории, как

и сама пьеса, написанная в начале 30-х годов. Важны и знаменательны поиски новой формы при ее возобновлении.

Наиболее интересными в спектакле оказываются те моменты, где полные жизненной правды картины вдруг сближаются с величавым народным эпосом, где конкретный исторический факт предстает как великая легенда. Так происходит в некоторых эпизодах первого акта, когда огоньки зажженных папирос кладут на лица моряков мерцающие блики и масса на авансцене вдруг представляется высеченной из черного мрамора... Так происходит в последнем акте, когда в момент прощания с последним гибнущим кораблем на сцене появляется оркестр в сияющих белозной костюмах... Но там, где временами возникает чрезмерный жанризм, например в сцене Фрегата и Паллады, спектакль теряет новаторскую особенность своей художественной формы.

Речь идет не о том, что строгое историческое и легендарное повествование должно быть лишено контрастных красок, а о том, что щедрый юмор, столь свойственный украинскому искусству вообще и драматургии Корнейчука в частности, не должен обречиваться незамысловатым балагурством.

Непрерывное обновление традиций в современном театре — залог его развития. Относится это и к героической драме. И кому, как не Большому драматическому театру, продолжать искания в этой области, плодотворные, как плодотворной оказалась постановка «Гибели эскадры»!

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

Демидовская и Лавров 22.11.50